

П. Милуковъ. Живой Пушкинъ. Парижъ, 1937. Стр. 132.

Въ основу книги авторъ положилъ докладъ, сданный имъ на одномъ изъ вечеровъ «Современныхъ Записокъ». Характеръ устнаго доклада въ значительной мѣрѣ и сохранился. Этимъ авторъ далъ себѣ свободу въ выборѣ матеріала. Опасностей тутъ много: свободный выборъ легко можетъ превратиться въ произвольный, общая картина можетъ оказаться не только неточной, но и искаженной, тенденціозной. Но авторъ, извѣстный ученый, безъ труда избѣгъ этой опасности. Въ его книгѣ мы видимъ дѣйствительно живого Пушкина въ основные моменты его жизни. И личность Пушкина отъ школьныхъ лѣтъ и до могилы, и среда, его окружавшая, и глубокий трагизмъ его существованія послѣ женитьбы — представлены съ достаточной полнотой, яркостью и убѣдительною.

Только никакъ нельзя согласиться съ толкованіемъ, которое авторъ даетъ основной идеѣ «Мѣднаго Всадника». По его мнѣнію, Пушкинъ отразилъ въ этой повѣсти личныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ изученія матеріаловъ по исторіи Петра и рѣзко избѣгавшія его отношеніе къ великому реформатору: «Это какъ бы бунтъ противъ попытки возвеличить деспота — бунтъ отдѣльной безпомощной личности противъ тяжелой поступи реформатора-тирана». Основная идея «Мѣднаго Всадника» достаточно выясняется антитезой «великихъ думъ» Петра и думъ Евгенія. Эта антитеза какъ бы намѣренно подчеркнута словами: «И думалъ онъ»... (Петръ) и «О чемъ же думалъ онъ?» (Евгеній).

Вѣднѣй чиновникъ съ ограниченными мечтами о мѣщанскомъ счастьѣ гибнетъ, и косвенной причиною его гибели является одно изъ дѣлъ Петра. Если Пушкинъ удѣляетъ нѣкоторую, вполне понятную съ общечеловѣческой точки зрѣнія, долю сочувствія Евгенію, то преклоненіе его передъ Петромъ, какъ государственнымъ дѣятелемъ, отъ этого не умалается. Пусть Петръ порою жестокъ, но все-таки онъ не только тиранъ: «моцный властелинъ судьбы» великъ въ своихъ стремленіяхъ къ благу государства. Поэтому былъ правъ Бѣлинскій, видя въ повѣстѣ «апофеозу Петра». Въ «Мѣдномъ Всадникѣ», дѣйствительно, изображенъ безилный бунтъ мало замѣтной личности противъ Петра, но въ этомъ бунтѣ нельзя видѣть бунта самого Пушкина «противъ попытки возвеличить деспота». Если даже образъ царя, какъ чловѣка, нѣсколько и потускнѣлъ въ его представленіи послѣ изученія архивныхъ матеріаловъ, то отъ этого еще было далеко до «окончательнаго отрицанія», какъ предполагаетъ П. Н. Милуковъ: «вѣчный работникъ на тронѣ», можетъ быть, пересталъ быть любимымъ героемъ, но героемъ, вызывающимъ восторженное изумленіе, все-таки остался.

Зато надо всецѣло присоединиться къ мнѣнію автора по остроумно до сихъ поръ, какъ это ни странно, вопросу о стихотвореніяхъ «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина». Эти стихотворенія, какъ извѣстно, встрѣчены были рѣзкимъ осужденіемъ даже со стороны нѣкоторыхъ ближайшихъ друзей Пушкина (кн. П. А. Вяземскаго,

А. И. Тургенев), иные же прямолинейно утверждали, что Пушкинъ «огадился» ради честолюбія и златолюбія, намекали на то, что въ «Клеветникамъ Россіи» чувствуется «продажный языкъ» и т. п. П. Н. Милюковъ правильно замѣчаетъ, что патріотизмъ Пушкина тутъ былъ не къвасной, а просто «русскій, объединившій Пушкина съ декабристами и съ послѣдующими поколѣніями». Пушкинъ былъ въ данномъ случаѣ выразителемъ русскаго общественнаго мнѣнія, возмущеннаго взрывомъ ненависти въ нѣкоторыхъ странахъ Европы къ Россіи въ связи съ польскимъ возстаніемъ, и обнаружилъ большую смѣлость собственнаго мнѣнія. Свободное мнѣніе Пушкина совпало съ взглядами правительства, но это совпаденіе въ намѣренія Пушкина, конечно, не входило. — Такое толкованіе и исторически вѣрно, и вполне соответствуетъ нравственному облику Пушкина.

Въ концѣ своей книги Милюковъ говоритъ: «Чтобы понять, какъ живой Пушкинъ дошелъ живымъ и до насъ, надо прослѣдить его просмертную жизнь въ жизни слѣдующихъ за нимъ поколѣній», т. е. изучить путь Пушкина «не къ могилѣ, а къ безсмертію». Это уже другая, большая и сложная задача, Милюковъ ея не касается, но все-таки отмѣчаетъ одну изъ причинъ этого безсмертія: «Пушкинъ простъ и ясенъ въ свѣтѣмъ величій — и потому онъ великъ. Онъ не связалъ своей посмертной судьбы ни съ какою изъ тѣхъ доктринъ, которыя возникали и отживали свой вѣкъ въ зависимости отъ мѣнявшихся условій жизни и состояній нашего знанія. И потому онъ не смертенъ. Онъ описалъ жизнь, какъ она есть, и человѣческія чувства, какъ они были, есть и будутъ. Поэтому онъ всемъ понятенъ и классичен... Вотъ почему и къ теперешнему юбилею Пушкина его личность и творчество, свободныя отъ напосныхъ толкованій, истинно-национальны, стоятъ передъ нами во всей своей первоизданной красотѣ; вотъ почему, наконецъ, поэты двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка являются къ концу тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія нашимъ современникомъ, быть можетъ, въ болѣе истинномъ смыслѣ, чѣмъ онъ былъ для препиравшихся о немъ, но не успѣвшихъ его понять и оцѣнить во всю мѣру его значенія современникомъ его жизни».

Вѣроятно, найдутся читатели, которымъ покажется, что П. Н. Милюковъ далъ далеко не все, что можно и должно было бы сказать о Пушкинѣ. Они будутъ правы до известной степени, но пусть вспомнятъ слова Ключевскаго: «О Пушкинѣ всегда хочется сказать слишкомъ много, всегда наговоришь много лишняго и никогда не скажешь всего, что слѣдуетъ».

Если П. Н. Милюковъ и не сказалъ всего, что слѣдуетъ, то и лишняго не наговорилъ, а то, что сказалъ, сказалъ хорошо, съ большою любовью къ поэту и увлекательно. Его Пушкинъ вышелъ, дѣйствительно, живымъ, и его книга — лучшее и наиболѣе интересное, что появилось въ эмигрантской литературѣ о цѣломъ Пушкинѣ.

Позволю себѣ отмѣтить двѣ опечатки изъ разряда тѣхъ, которыя принято называть «досадными»: «Воспоминанія о (вмѣсто въ) Царскомъ Селѣ» (стр. 12) и «Всадникъ» вмѣсто «Плѣнникъ» (стр. 33).

Н. Кульманъ.